

Цао Е закрыл глаза, стараясь ни о чём не думать. Он пока не хотел видеть Лян Сычжэ. Эмоциональный и физический шок от произошедшего был слишком сильным, ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Вдруг он почувствовал, как Лян Сычжэ коснулся его губ своим пальцем. На губах осталась теплая жидкость. Он рефлекторно открыл глаза:

— Что?.. — он начал говорить, но Лян Сычжэ наклонился и облизал его нижнюю губу, а затем проник языком в его рот, целуя его с легким солоноватым привкусом. Цао Е сразу понял, что именно Лян Сычжэ намазал ему на губы. Этот вкус он совсем недавно чувствовал на теле Лян Сычжэ.

— Чей вкус лучше? — тихо спросил Лян Сычжэ после поцелуя.

— Лян Сычжэ, — хрипло произнес Цао Е, открыв глаза. Он хотел сказать: «Почему ты такой надоедливый?», но, увидев Лян Сычжэ, не смог. Взгляд Лян Сычжэ напомнил ему один вечер из прошлого, когда тот, сидя на скамейке, повернулся к нему и сказал: «Цао Е, почему я так рад тебя видеть?» Он вдруг вспомнил молчаливого пятнадцатилетнего Лян Сычжэ. Даже когда тот улыбался, в его глазах была какая-то печаль. Девушки из музыкальной школы говорили, что Лян Сычжэ, играющий на скрипке, был совсем другим. Представляя себе того, полного энтузиазма Лян Сычжэ, которого он не знал, он думал, что тот был еще красивее и ярче, чем сейчас. Теперь он не только увидел его, но и обладал им. Он не ошибся тогда: сияющий Лян Сычжэ, ставший кинозвездой, действительно был гораздо привлекательнее замкнутого и пойманного в ловушку Лян Сычжэ.

— Что ты хотел сказать? — спросил Лян Сычжэ, глядя на Цао Е.

— Ничего, — пробормотал Цао Е. — Проехали.

Лян Сычжэ, глядя на него, тихо засмеялся и снова спросил:

— Ну и как ощущения?

— Неплохо, — Цао Е ответил его же словами.

— Раньше у тебя не было привычки говорить одно, а думать другое.

— А кто сказал, что я говорю не то, о чём думаю?

— Ну, тогда это мои проблемы, — серьезно сказал Лян Сычжэ, а потом, подумав, добавил: — Раз так, в следующий раз попробуем что-нибудь более захватывающее.

— Что еще более захва...? — Цао Е тут же уловил суть. — В следующий раз моя очередь сверху!

— Не обязательно так чётко это разделять. Мы ещё много раз будем этим заниматься. Зачем вести счет? — Лян Сычжэ поднялся с кровати, вытер пальцы салфеткой и бросил ее в мусорное ведро. — Пойдем в душ?

— Вместе? — увидев протянутую руку Лян Сычжэ, Цао Е взял ее и, опираясь на кровать, поднялся. — Ладно.

Вода из душа лилась на их головы, и ванная наполнилась паром. Лян Сычжэ отрегулировал температуру воды:

— Цао Е, мне всё равно, сверху я или снизу. Входить в тебя, и когда тыходишь в меня — мне нравится и то, и другое. Главное, что при этом чувствуешь ты. Если тебе так неприятно быть снизу, я больше не буду тебя заставлять. Скажи честно, тебе правда не понравилось?

Под таким взглядом и таким мягким тоном Лян Сычжэ все защитные механизмы Цао Е словно отключились. Он прочистил горло и неловко сказал:

— Не то чтобы не понравилось... — видя, что Лян Сычжэ продолжает смотреть на него, он ещё более неловко добавил, — на самом деле, это довольно... — он замолчал на полуслове, заметив улыбку в глазах Лян Сычжэ, и тут же понял. — Эй, ты опять меня разыгрываешь?

Лян Сычжэ, смеясь, закончил за него:

— Довольно что? Довольно приятно, да?

— Нет.

— Давай я помогу тебе помыться.

— Не надо! Эй, не трогай меня, отойди от меня... Уйди!

— Аккуратнее, не поскользнься. Цао Е, подойди ближе, я хочу тебе кое-что сказать.

— Что?

— Я хотел сказать, что в следующий раз ты тоже можешь... — намеренно тихий голос растворился в шуме воды. Их мог слышать только тот, кому эти слова предназначались.

— Правда? Ты обещаешь?

— Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

—

Они проспали до следующего утра. Когда горничная постучала в дверь, чтобы убраться, Цао Е сонно открыл глаза и сказал: «Уберитесь после обеда». Он лёг обратно на подушку и увидел, что Лян Сычжэ тоже только что проснулся и сел на кровати. Это было странно. Он никогда не видел, чтобы Лян Сычжэ спал допоздна. Все три месяца в Иньсы, как только Цао Е просыпался, Лян Сычжэ уже возвращался с завтраком, купленным внизу. Он оперся на локоть, приподнялся и взял телефон, чтобы посмотреть время. Лян Сычжэ тоже наклонился, положив подбородок ему на плечо:

— Который час?

Экран загорелся, показав результаты поиска, которые он не успел посмотреть прошлой ночью: «Как делают это мужчины друг с другом». Цао Е мгновенно проснулся и быстро перелистнул экран на главный, думая, что успел скрыть улики:

— Почти десять. Ты не собираешься утром идти на тренировку по боксу?

Лян Сычжэ тихо засмеялся ему в плечо:

— Что это было, Цао Е? Ты успел прочесть инструкции прошлой ночью?

Цао Е не знал что ответить.

— Ты искал инструкции и всё равно не знал, как это делается?

— Я даже не успел посмотреть...

Лян Сычжэ встал и пошел в ванную умываться. Цао Е лежал на кровати в оцепенении. Он знал, что это рано или поздно произойдёт, но не ожидал, что так скоро, и не ожидал, что он так легко это примет. Он думал, что будет сопротивляться, но, когда они были вместе с Лян Сычжэ, он чувствовал только близость с любимым человеком. Сцена с Цао Сююанем и Чжэн Инем давно уже вылетела у него из головы. «Интересно, как отреагирует Цао Сююань, когда узнает, что я с Лян Сычжэ? — подумал Цао Е. — Один — его самый успешный актёр, которого он сам продвигал, другой — сын, которым он никогда не интересовался и которого, возможно, предпочел бы не иметь. Довольно драматично».

Днем у Лян Сычжэ были съёмки, и Цао Е поехал с ним на съёмочную площадку.

В этой сцене а-Пэн, взяв деньги, выигранные на боксёрском поединке в предыдущей сцене, ведёт сяо Мэна в больницу, чтобы сделать тест на отцовство. Результаты теста показывают, что

сяо Мэн не его сын.

Сцена снималась на улице. Съёмочная площадка была оцеплена, десятки статистов заняли свои места. Лян Сычжэ, уже загримированный, репетировал с сяо Мэном. Ассистент принес Цао Е стул, но тот, взглянув на него, остался стоять — жесткий деревянный стул выглядел неудобным. Продюсер, закончив работу на площадке, подошел к Цао Е:

— Садись, господин Цао, не стесняйся.

— Я не устал, — вежливо ответил Цао Е. — Садись сам.

Он наотрез отказался садиться и встал позади Ду Чжуйя, наблюдая за Лян Сычжэ на мониторе. Ду Чжуй был новым режиссёром, работающим в паре с опытным продюсером — это была обычная практика в Luomeng. Цао Е считал, что продюсер должен быть опытным и уметь ладить с людьми, решать все проблемы на съёмочной площадке, управлять режиссёром и создавать ему комфортные условия для работы, чтобы тот мог сосредоточиться на съёмках.

Он понимал, что на него повлияла модель сотрудничества Цао Сююаня и Чжэн Иня, но его мнение по этому вопросу никогда не менялось. Модель, в которой новый режиссёр работает с опытным продюсером, действительно хорошо работала, и благодаря ей Luomeng никогда не проигрывала в проектах с начинающими режиссёрами.

Второй режиссёр обошел съёмочную площадку, еще раз проинструктировав статистов, затем показал знак «ОК» Ду Чжуйю, сидящему за монитором, и выбежал за пределы кадра.

— Мотор! — крикнул Ду Чжуй в рупор.

Статисты на улице начали двигаться. Лян Сычжэ вышел из дверей больницы. На его лице был грим, имитирующий синяки в уголках рта и глаз, а на скуле красовался пластырь. Врач только что сообщил а-Пэну, что сяо Мэн не его сын, но результаты анализа крови выявили проблему: у сяо Мэна, возможно, был лимфобластный лейкоз. А-Пэн, узнав причину, по которой сяо Мэна бросили, был очень расстроен. Он скомкал результаты анализа крови, сунул их в карман и вышел из больницы. Сяо Мэн побежал за ним, быстро перебирая короткими ножками, и, запыхавшись, крикнул:

— Папа! Папа, подожди меня...

— Кто тебе папа? — нахмурившись, обернулся а-Пэн. — Не называй меня так.

— Так сказала мама! — уверенно крикнул ему в ответ сяо Мэн.

— Тогда иди и позови её сюда, — сердито сказал а-Пэн.

— Она пошла покупать мне мороженое, — сяо Мэн подбежал и обнял его за ногу, глядя снизу вверх.

— Папа, доктор сказал, что ты чем-то болеешь? Это серьезно?

— Ты что, дурак? Если бы она пошла за мороженым, то уже вернулась бы, — а-Пэн вытащил из кармана скомканную бумажку, грубо развернул её и, ткнув пальцем в текст, сказал сяо Мэну:
— Читай.

— Я... я не умею читать, — смущенно ответил сяо Мэн.

А-Пэн был вне себя от злости. Он был беден как церковная мышь, едва мог прокормить себя и не мог позволить себе еще одного нахлебника. Он указал на ярко-красную печать на документе и прочитал сяо Мэну по слогам:

— Подтверждено отсутствие кровного родства, — затем он схватил сяо Мэна за шиворот и оттолкнул. — Понял? Это значит, что я тебе не отец. Твоя мама тебя обманула. Она тебя бросила. Иди и найди её. Не приставай ко мне.

Сяо Мэн пошатнулся, губы его задрожали, и он готов был расплакаться:

— Я тебе не верю.

— Веришь или нет, мне все равно. Я тебе не отец, — а-Пэн развернулся, чтобы уйти, и, предупреждающе подняв палец, сказал: — Не следуй за мной, а то побью, — с этими словами он погрозил сяо Мэну кулаком.

Сяо Мэн видел, как боксирует а-Пэн, как отчаянно и свирепо рискует своей жизнью, и не посмел идти за ним. Он стоял на месте, разинув рот и громко плача. А-Пэн прошел несколько сотен метров, пока не перестал слышать плач сяо Мэна. Он остановился, взъерошил волосы, в отчаянии запрокинул голову и вернулся обратно. Сяо Мэн сидел на корточках у входа в больницу и всхлипывал. А-Пэн остановился и сердито крикнул ему:

— Ты что, дурак? Неужели не понял, что я тебя только что обманул?

— Так ты всё-таки мой папа? — сквозь слёзы спросил сяо Мэн.

— Я твой отец, — вокруг начали собираться люди, и а-Пэн нетерпеливо махнул сяо Мэну рукой.
— Иди сюда скорее, позорище.

Сяо Мэн, всхлипывая, пошел за а-Пэном. Он не поспевал за ним, но боялся сказать об этом. Когда а-Пэн зашел в магазин за сигаретами, сяо Мэн сел на обочине и вытирал слёзы. После теста на отцовство у а-Пэна осталось десять юаней. Он не мог позволить себе сигареты «Нанкин» за одиннадцать юаней и купил «Шуанси» за девять. На оставшийся юань он купил сяо Мэну мороженое. Они сидели на обочине — взрослый и ребенок. А-Пэн курил, а сяо Мэн ел мороженое.

— Ты правда мой папа? — спросил сяо Мэн, вымазав губы в сливках. — А на той бумажке было написано, что ты мне не папа.

А-Пэн достал скомканную бумажку, разгладил её на колене и, указывая на каждое слово, прочитал:

— Подтверждено наличие родственной связи между отцом и сыном, — он затянулся сигаретой и сунул бумажку сяо Мэну. — Не веришь — дело твоё.

— Верю, — сяо Мэн сжал бумажку в руке. Слёзы ещё не высохли на его лице, но он уже хихикал. — Ты мой папа.

Весь день ушёл на съёмки только этой сцены. Было несколько дублей, сначала сяо Мэн не мог войти в роль и заплакал только после нескольких попыток. Цао Е сидел за монитором и видел, как Ду Чжуй подошёл к сяо Мэну и начал объяснять ему сцену. Лян Сычжэ тоже присел на корточки, помогая Ду Чжую. После нескольких дублей стало получаться всё лучше и лучше. В какой-то момент сяо Мэн так горько расплакался, что никак не мог остановиться, и съёмки пришлось приостановить. Когда сяо Мэн немного успокоился и достиг нужного Ду Чжую состояния, съёмки продолжились.

Когда сцена была отснята, Лян Сычжэ взял у реквизиторов мороженое, подошёл к Цао Е и протянул его ему, одновременно обсуждая с Ду Чжуем только что отснятый фрагмент.

Цао Е взял мороженое, но не стал его есть. Ему казалось, что все вокруг смотрят на него с каким-то особым смыслом. Ду Чжуй тоже взглянул на мороженое, а потом, отведя взгляд, как бы невзначай посмотрел на стул, на который Цао Е так и не сел. Цао Е промолчал.

— Сычжэ, садись сюда, — Ду Чжуй встал, чтобы уступить место Лян Сычжэ. — Наверное, устал после целого дня съёмок?

— Ничего страшного, садись, — Лян Сычжэ взял стул, стоявший рядом с Цао Е, и сказал, — я сяду здесь.

Сказав это, он спокойно сел и продолжил обсуждать с Ду Чжуем сцены, которые предстояло снимать вечером. «Какой хитрый, — подумал Цао Е. — Лян Сычжэ точно сделал это нарочно».

Вечером, после окончания съёмок, Лян Сычжэ попросил Сун Цинъянь поехать на машине, а сам вместе с Цао Е неспешно прогулялся до отеля. Съёмочная площадка находилась всего в двух километрах от отеля. Октябрьский воздух был прохладным, было приятно просто идти и болтать, наслаждаясь по пути лёгким ветерком.

— Сегодня днём, стоя там, — спросил Лян Сычжэ, — о чём ты задумался, глядя на сяо Мэна?

— Я задумался?

— Да. Когда Ду Чжуй объяснял сяо Мэну сцену, я смотрел на тебя, ты даже не заметил.

— А, — сказал Цао Е. Он действительно смотрел на сяо Мэна, потому что Ду Чжуй, объясняющий ему сцену, напомнил Цао Е о том, как в детстве он сам был на съёмочной площадке, и Цао Сююань объяснял ему, как играть.

— Я в детстве снимался, ты не знал? — улыбнулся Цао Е.

— Я и правда не знал, — с интересом спросил Лян Сычжэ. — Когда это было?

— В шесть лет. Цао Сююань тогда ещё не был особо известен. Он снимал фильм под названием «Покорность», и я там играл принца, которому отрубили голову.

— Это ты играл того маленького принца? — Лян Сычжэ вспомнил сюжет «Покорности». — Я уже не помню лица, помню только, что он всё время плакал.

— Это было ужасно. Я в детстве не любил плакать, и они всеми способами пытались меня расстроить. Цао Сююань, наверное, чувствовал себя виноватым и после съёмок просил дядю Иня купить мне мороженое. Он сам меня почти не утешал, это всегда делал дядя Инь, обнимая меня. Но почему-то я считал, что Цао Сююань, сидя за монитором, выглядит очень круто, и просто боготворил его. Может, у меня в детстве был стокгольмский синдром? Когда я вернулся домой, мама спросила меня, как прошли съёмки, и я, от всей души, расхвалил его. Только много лет спустя я узнал, что, когда съёмочная группа искала ребёнка на роль принца, никто не хотел отдавать своего ребёнка, потому что нужно было много плакать, и в итоге Цао Сююань взял меня.

Лян Сычжэ вздохнул:

— Твой отец... Нельзя сказать, что он бесчувственный, но все эмоции в своих фильмах он передаёт очень точно. Я много с ним общался и не знаю, как его оценить. Но, Цао Е, мне кажется, что он к тебе относится не так холодно, как ты думаешь.

— Давай не будем о нём, — Цао Е махнул рукой.

— Хорошо, не будем, — Лян Сычжэ обнял Цао Е за плечи, переложив половину своего веса на него. — Я устал после съёмки. Поддержи меня.

Цао Е машинально оглянулся:

— Не боишься, что нас сфотографируют?

— Не оглядывайся, — Лян Сычжэ взял его за лицо. — Если ты будешь оглядываться, это будет выглядеть подозрительно, и завтра мы можем попасть в заголовки газет.

— А ты, я смотрю, достаточно опытный. Лян Сычжэ, у тебя были романы, о которых не писали СМИ?

— Ты решил разузнать любовную историю своего парня... Дай подумать. Половина была известна, половина — нет. Из тех, о которых писали СМИ, три четверти — выдумки. Вот тебе математическая задачка, решай.

— У тебя было так много неизвестных романов? Неплохо... — Цао Е наконец решился задать вопрос, который мучил его много лет. — Так ты встречался с Линь Хуань или нет?

— Угадай.

Цао Е подумал и решил спровоцировать его:

— Линь Хуань сказала, что я лучше тебя.

Лян Сычжэ рассмеялся:

— И ты не догадался, что она врёт?

Цао Е опешил. Лян Сычжэ покачал головой и, улыбаясь, сказал правду:

— Нет.

— Правда нет?

— Правда, — ответил Лян Сычжэ. — Меня раздражал один её вид в то время. Как я мог с ней встречаться?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130317>